

Светлана Харитонова

Про нас

до потери и после

Светлана Харитонова

Про нас. до потери и после

«Издательские решения»

Харитонова С.

Про нас. до потери и после / С. Харитонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749557-2

Когда мой муж умер от рака, я искала истории тех, кто через это прошел. Нашла мало. Поэтому написала свою — для тех, кто будет также искать.

ISBN 978-5-44-749557-2

© Харитонова С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Начало	7
В поисках диагноза	9
Дневник, 4 февраля 2015	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

**Про нас
до потери и после
Светлана Харитонова**

© Светлана Харитонова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Мы познакомились, когда мне было 17, а ему 28. Мы с подружкой ходили каждую неделю в бильярдную – на людей посмотреть, себя показать, ну и поиграть немного. Небольшая бильярдная рядом с домом, большинство посетителей были постоянными. Диму я заметила сразу. Брутальная внешность, великолепная игра, для него всегда сразу освобождался стол, сколько бы народу ни ожидало своей очереди. Мне он казался настолько красивым, крутым и недостижимым, что я просто смотрела, даже не помышляя о знакомстве, не говоря уж о чем-то большем.

Когда через несколько месяцев он подошел и предложил сыграть, я поверить не могла своей удаче. После игры взял мой номер телефона, я просто петь была готова от счастья, но он так и не позвонил. В бильярдную стала ходить как на работу, но в следующий раз мы встретились только через месяц, к тому же он был с девушкой. Мы «случайно» столкнулись, выбирая кии, я спросила, почему не позвонил, он ответил, что потерял номер, полез в карман за бумажкой, чтобы записать его заново, и вынул именно ту, на которой он был уже записан...

Прошел еще месяц, наступил август 1999. Мы с подружкой собрались на неделю в Петербург. Накануне отъезда пришли погонять шары и снова встретили Диму. Он был изрядно навеселе, с большой компанией и очередной барышней. Но тут же подошел, мы несколько раз сыграли, а потом он пошел меня провожать. На прощание он меня поцеловал. На следующий день мы с подругой уехали, а по возвращении я обнаружила на определителе его номер. Перезвонила, в тот же вечер встретились и больше не расставались. Звучит как штамп, но так оно и было на самом деле. Каждый вечер после работы он приезжал ко мне, я запрыгивала к нему на руки, как обезьянка, и так и висела все время. Потом, оглядываясь на это время более трезвым взглядом, представляю, как это выглядело со стороны – и для него, и для моих родителей. Взрослый мужик, только разведенный, с ребенком, весь в татуировках, без образования, без нормальной работы, да к тому же с серьезнейшими проблемами со здоровьем, и их несовершеннолетняя дочка-цветочек, студентка первого курса. И Дима, в принципе в тот период довольно замкнутый и сложно выходящий на контакт, вынужденный перед моими родителями стойко сносить проявления моей пылкой любви. 1,5 месяца мы прожили в таком режиме – после работы он приезжал и уезжал на последнем автобусе, а если опаздывал на него – шел домой пешком, в 6 утра вставал на работу, и вечером снова приезжал. В октябре, за месяц до 18летия, я переехала к нему. Родители проявили мудрость и возражать не стали, потому что было ясно, что я пойду на любые меры, но буду с ним все равно.

Еще через 1,5 года – 18 мая 2001 года – мы поженились. В 2003 году родился Егор, наш сын. Дима заинтересовался проектированием, и за несколько лет освоил профессию на высшем уровне. Для моих родителей он тоже давно уже стал родным.

Я не могу сказать, что наша семейная жизнь была безоблачной. Отнюдь. Скорее мы походили на «итальянскую семью», разве что без драк, конечно. Были и ссоры, и скандалы, и «разводы» – все было. Но после каждой ссоры было примирение, и я всегда знала, что он – тот самый. Человек, с которым я не случайно. Любовь к которому такая сильная, на какую я не думала, что способна.

Начало

В апреле 2014 года у Димы сильно заболела спина. Причем если уж Дима сказал, что сильно – то это действительно сильно. Как и многие мужчины, он с трудом переносил всякие простуды, но если речь шла о чем-то серьезном, терпел все даже с излишним героизмом. За пару дней попыток купировать боли дома народными средствами он вымотался настолько, что согласился на вызов скорой.

Положили в ГКБ 70 с подозрением на почечную колику. Входящий диагноз сняли буквально за день, но дальше все с места никак не двигалось. Он лежал в урологическом отделении, не спал от боли ночами и при этом не получал ровным счетом никакого лечения. 15 апреля поставили диагноз ОРВИ. 16 апреля, когда я пошла воевать с руководством больницы, честно сказали: «С ним что-то не так, но что – не знаем». По своему профилю все вопросы сняли, переводить отказались – не имеют права. Зам главврача по медчасти выразился так: «Мало ли, что болит. Болит – это нормально, у кого сейчас ничего не болит? Гимнастику делайте. И мужу посоветуйте».

Лечащий – молодой очень приятный вежливый доктор – долго мне рассказывал, что анализы у мужа в норме, сделали они все, что могли, вот только разве что УЗИ брюшной полости еще не делали (на четвертые сутки пребывания), но завтра сделают. Потому что порядок такой и по-другому нельзя. Еще сказал, что раз мы были в «заграничной поездке» (пару месяцев назад ездили в Италию кататься на горных лыжах), то подозревают заодно и малярию. Хорошо хоть не бубонную чуму.

С чокнутыми родственниками предпочитают не связываться, так что в тот день Диме все же сделали исследование. И обнаружили неизвестное образование «в районе почечных сосудов», видимая часть размером 6х3 сантиметра. Стало по-настоящему страшно.

17 апреля мужу вдруг резко похорошело: прошли боли, упала температура. Но раз уж машину удалось сдвинуть с места, и КТ было назначено накануне, его всё же сделали, хоть и поздно вечером. КТ подтвердило образование. Несмотря на мои слезные просьбы, дежурный врач комментировать отказался наотрез. Всё, что я из него выжала: «Очень сложный случай. Не пугайтесь, диагностически сложный. Просто, понимаете, там никак не должно быть никаких образований, не может быть. Но есть».

Следующим днем была пятница. Я поехала в больницу, нам клятвенно обещали расшифровку томограммы, но дело не ладилось. В планах был и консилиум, но ближе к вечеру выяснилось, что собирать некого (удивительно ли – пятница, вечер, на улице +20).

На выходные Диму оставили с «антибиотиками для профилактики» и без единого намека на диагноз. Благо, температура упала и боли прошли.

В субботу мы поехали добывать снимки КТ для консультации у другого специалиста. Приехала к 11, диски забрала в 18—30. За это время успели пообщаться с дежурным врачом и узнать, что снимки смотрел какой-то суперспециалист, и теперь основная версия – неспецифическая для данной полосы инфекция. Например, из Африки. Я так подробно все это описываю, чтобы был понятен диапазон диагнозов, которые нам озвучивали.

Специалист, которому я отвезла диски, была очень удивлена версией про африканскую инфекцию, изучила все подробно и сделала вывод, что в легких есть какие-то образования, но самое страшное предварительно исключила.

В понедельник я общалась с главврачом. Мы обсудили волновавшие меня вопросы по поводу лечения, своевременности назначений исследований, квалификации специалистов, предлагающих диагнозы один экзотичнее другого. Она признала претензии «частично обоснованными», а по поводу Димы сказала: или туберкулез, или рак с метастазами в легких. Я

несколько раз переспросила: «А другие варианты есть?» Нет, или то или другое. Ни «мы хотим исключить», ни «анализы подтверждают, что». Это был чистый нокаут.

К счастью, моя подруга – врач. В те дни мы с ней были на связи чуть ли не круглосуточно.

Снимки показали рекомендованному онкологу, еще раз проконсультировались со специалистом по компьютерной томографии. В больницу приехал фтизиатр, взял пробу на туберкулез (проба пришла отрицательная).

Выписали из больницы с направлением в онкодиспансер. К этому времени мы уже успели столько раз испугаться и успокоиться, что в диспансер Дима поехал практически без нервов. Районный онколог, уделив приему 4 минуты, без осмотра, без изучения снимков, а лишь прочитав выписку, сказал: «Да нет у тебя рака. Очень удивлюсь, если есть!» – и выписал вчерашним числом. Впрочем, направление на онкоконсилиум в ГКБ 57 дал.

Еще 2,5 недели умеренной нервозности, и вот, наконец, 16 мая 2014 года муж съездил на консилиум в ГКБ 57.

За 5,5 часов его осмотрели заведующие нескольких отделений, сделали два УЗИ, рентген и МРТ. Заглянули во все места, просветили приборами. Быстро, вежливо, бесплатно. На контрасте с предыдущими мытарствами даже не верилось, что такое возможно. Диагноз, правда, так и не поставили. Высказали предположение: какая-то травма, повлекшая за собой воспалительный процесс. Образования уменьшились, вероятно, на фоне антибактериальной терапии. Пункцию делать не стали, как раз потому, что уменьшились образования: и динамика есть, и спунктировать сложнее, чтобы в сосуд не попасть.

На этой ноте Диму отпустили, заверив, что у онкологов к нему вопросов нет. Сказали приходить через месяц на контроль.

Как несложно догадаться, ни на какой контроль мы не пошли. То одно, то другое. Дела. Неохота. Да и зачем? Все же прекрасно, ничего не болит. А рак не проходит от антибиотиков, значит, это не он. Что еще нужно? Я написала на сайте Департамента здравоохранения жалобу на сотрудников ГКБ 70 и благодарность команде врачей ГКБ 57, и мы выдохнули.

Потом, после всего, я перечитывала нашу переписку в мессенджерах и не раз наталкивалась на сообщения «что-то я сильно устаю», «совсем нет сил», «все время хочу спать». Я отвечала: «А что ты хочешь? Спишь по 4 часа в сутки, куришь как паровоз, неправильно питаешься, мало отдыхаешь. Да и годы идут. Ну как при таком режиме не уставать?!». Дима настаивал, что испытывает не обычную усталость, но от визита к врачу отказывался категорически. А я и не настаивала особо.

Прошла осень, декабрь. 2015 мы встречали на даче – с семьей и друзьями. Запись из дневника:

«Очень клево встретили 2015, практически идеально. Дача. Оливье. Баня за час до курантов. Исполнение гимна Советского Союза, с племянником на громкой связи. Салюты. Гора подарков под елкой. Даже романтический снежок включили в новогоднюю ночь. Компания прекрасная. На следующий день – снеговик, снежки, катание с горки, снова баня. Праздник живота. То, что доктор прописал, как говорится».

Тогда же была сделана наша последняя счастливая совместная фотография. Это был случайный кадр, мы не позировали, я просто подошла к нему, прижалась, он обнял, и даже на фотографии видно, как мы друг на друга смотрим.

На февраль была запланирована большая поездка. Дима намного раньше меня встал на горные лыжи, и успел обкатать весь Кавказ, а я там не была ни разу. Собирались в большое путешествие на машине: Сочи, Домбай, Эльбрус с множеством заездов в разные точки, которые он давно хотел мне показать. Где-то до сих пор лежит этот листок с указанием дат, мест, времени. Как обычно, должны были ехать в марте, чтобы Димин день рождения встретить в горах.

2 февраля 2015 года вернулись боли.

В поисках диагноза

Дневник, 4 февраля 2015

«Пережить лечение реформированной медициной может только очень здоровый человек.

Скорая наотрез отказывается везти в больницу, даже если человек кричит от боли.

Участковый терапевт не приходит на дом даже после подтверждения вызова.

Уролог отправляет к онкологу: «У вас новообразование, это не наш профиль».

В онкодиспансере ад, я лично провела там 5 часов: 1,5 в очереди на перерегистрацию (знаете, с нового года надо прикрепляться по-новой!), 2 часа в очереди за талончиком и еще 1,5 непосредственно в очереди к онкологу. Пока я через главврача не попросила вызвать Диму вне очереди, так как он еле сидел от боли. Весь этот квест был ради того, чтобы услышать: «А что вы от меня хотите? Нужен диагноз? Обследовать? Нет, это не моя задача. Где? Не знаю. Обратитесь к районному терапевту».

Скорая колет трамал, который не убирает боль, но оставляет после себя дурную голову. Никто ни за что не отвечает. Диагностика? Нет, не слышали. У нас указания, извините, мы не можем вам помочь. На прямой вопрос: «И что, дома подышать?» честный ответ: «Выходит, что так».

Но люди всегда остаются людьми. Третья бригада скорой на свой страх и риск «нарисовала» диагноз, с которым можно везти в больницу. Уролог в 57й сначала отбивался, но потом дал направление, без которого бы не приняли в онкодиспансере. А вечером, когда мы, измотанные и еле живые, пришли к нему обратно, накидал-таки хоть какой-то план действий, а на прощание вкатил укол, благодаря которому мы первую за 3 суток ночь нормально поспали.

Онкоуролог, к которому мы прорвались сегодня, в неприятный день, проконсультировал, отправил на МРТ, записал на пятницу, сказал, какие анализы сдать для госпитализации и предупредил, чтобы мы были готовы.

МРТ-врач, взявший без очереди и наотрез отказавшийся от мзды.

Люди остаются людьми. Хотя сейчас это очень сложно.

Апрельская тема вернулась, судя по первым результатам, с новыми силами, продвинувшись вперед.

Мы верим, что все будет хорошо, как и тогда. Только теперь не будем бросать, а долечимся до конца, со всеми контролями и финальным «все, здоров».

Но все равно страшно».

Потянулись изматывающие дни.

В ГКБ 57 мы просто-напросто в коридоре подкараулили врача, который вел обследование в мае 2014, вцепились в него со словами: «Помогите!». Кукушкин М. В. – хороший человек и хороший врач – не отказал. Начались обследования – анализы, УЗИ, КТ, МРТ, гастроскопия, колоноскопия. Анализы пришли прекрасные, онкомаркеры, каждый из которых я открывала трясущимися руками, все как один в пределах нормы. Только на томограмме было видно здоровенное образование около почки, которое с 6 сантиметров выросло аж до 16, да еще в самой почке небольшое образование около 1,5 сантиметров, и еще мелкие образования в легких. В прошлый раз сошлись на том, что большое – это киста, а маленькое – кальцинат. Могу сейчас ошибаться в терминологии, но звучало все это совсем нестрашно, да и перепроверяли мы каждый результат, каждое исследование у нескольких специалистов как в рамках ОМС, так и у платных врачей по рекомендации. В начале марта 2015 наконец-то из почки взяли пунк-

цию, мы не находили себе места от волнения, но пришел ответ: отрицательно, нетипичных клеток не обнаружено.

Мы не знали, что и думать. Кукушкин М. В. говорил прямо: «Дима, я онколог, я вижу, что у тебя рак. Только пока что не могу найти, где».

Перечитывая мартовскую переписку с Димой, я увидела такое:

– Может быть, у меня рак мозга?! Всё уже посмотрели, кроме головы.

– Прекрати! Нет у тебя никакого рака, что ты выдумываешь!!!

Блаженное отрицание...

30 марта 2015 года мы сидели дома на кухне, и вдруг Дима нащупал в надключичной ямке большое уплотнение, размером чуть не с перепелиное яйцо. Как мы пропустили это раньше – неведомо, почему туда не смотрел ни один врач – неизвестно. Но факт остается фактом. 30 марта мы нащупали серьезное образование, и игнорировать проблему, утешая себя хорошими анализами, стало невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.